

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

Родился 24 мая 1940 года в Ленинграде. Отец — фотограф, журналист. Бродский был единственным и поздним ребенком. Окончил семь классов средней школы — считался одним из образованнейших людей своего времени. Сменил несколько работ, от фрезеровщика на заводе «Арсенал» до рабочего в геологических экспедициях. Первые стихи датируются 1956 — 1957 годами. Бродский много переводил, но не сумел опубликовать ни одной собственной строки. Драматическая поэма «Шествие» сделала его известным всему литературному Ленинграду. В 1964 году Бродский «подпал» под кампанию по борьбе с тунеядством, был судим (судья Савельева приговорила его к четырем годам ссылки, но ходатайства Ахматовой, Чуковского, Адмони и других вытащили его из деревни Норенской через год). В 1972 году Бродский уезжает в США, предварительно отправив письмо Л. И. Брежневу и выразив в этом письме уверенность, что вернется если не лично, то текстами. В России остались его родители и маленький сын.

В семидесятые годы Бродский публикует ставший классикой сборник «Часть речи», преподает в США, становится кумиром американских филологов и литераторов.

В 1987 году ему присуждена Нобелевская премия по литературе. В последние пять лет он выпустил две книги англоязычных эссе. В ночь с 28 на 29 января этого года Иосиф Бродский умер во сне от третьего инфаркта. Даты его рождения и смерти почти точно совпадают с датами рождения и смерти Пушкина по старому стилю, но поиск таких совпадений (ссылка при либеральном царе и т. д.) давно стал общим местом и дурным тоном.

Никто из недоброжелателей Бродского — а их было немногим меньше, чем поклонников. — не оспаривает его места среди величайших русских поэтов XX века.



фото Михаила Лемкина

«Над человеком, читающим стихи, труднее восторжествовать»

Нобелевское выступление Иосифа Бродского

Уважаемые члены Шведской академии, Ваши Величества, леди и джентльмены, я родился и вырос на другом берегу Балтики, практически на ее противоположной серой шелестящей стороне. Иногда в ясные дни, особенно осенью, стоя на пляже где-нибудь в Келломяки, мой приятель указывал пальцем к северо-западу по листу воды и говорил: «Видишь голубую полосу земли? Это Швеция».

Конечно, он шутил: поскольку угол был не тот, поскольку по законам оптики человеческий глаз может охватить в открытом пространстве только двадцать миль. Пространство, однако, открытым не было.

Тем не менее мне приятно думать, леди и джентльмены, что мы дышали одним воздухом, ели одну и ту же рыбу, мокли под одним — временами радиоактивным — дождем, плавали в одном море и нам прискучивала одна хвоя. В зависимости от ветра, облака, которые я видел в окне, уже видели вы, и наоборот. Мне приятно думать, что у нас было что-то общее до того, как мы сошлись в этом зале.

А что касается этого зала, я думаю, всего несколько часов назад он пустовал и вновь опустеет несколько часов спустя. Наше присутствие в нем, мое в особенности, совершенно случайно, с точки зрения стен. Вообще, с точки зрения пространства, любое присутствие в нем случайно, если оно не обладает неизменной — и как правило неодушевленной — особенностью пейзажа: скажем, морены, вершины холма, излуцины реки.

И именно появление чего-то или кого-то непредсказуемого внутри пространства, вполне привыкшего к своему содержанию, создает ощущение события.

Поэтому, выражая вам благодарность за решение присудить мне Нобелевскую премию по литературе, я, в сущности, благодарю вас за признание в моей работе черт неизменности, подобных ледниковым обломкам, скажем, в обширном пейзаже литературы.

Я полностью сознаю, что это сравнение может показаться опасным из-за тающихся в нем холодности, бесполезности, длительной или быстрой эрозии. Но если эти обломки содержат хоть одну жилу одушевленной руды — на что я нескромно надеюсь — то, возможно, сравнение это достаточно осторожное.

И коль скоро речь зашла об осторожности, я хотел бы добавить, что в обозримом прошлом поэтическая аудитория редко насчитывала больше 1 процента населения. Вот почему поэты античности или Возрождения тяготели ко дворам, центрам власти; вот почему в наши дни поэты скучиваются в университетах, центрах знания. Ваша академия представляется помесью обоих; и если

в будущем — где нас не будет — это процентное соотношение сохранится, в немалой степени это произойдет благодаря вашим усилиям. В случае, если такое видение будущего кажется вам мрачным, я надеюсь, что мысль о демографическом взрыве вас несколько приободрит. Даже четверть от этого процента означала бы армию читателей, даже сегодня.

Так что моя благодарность вам, леди и джентльмены, не вполне эгоистична. Я благодарен вам за тех, кого ваши решения побуждают и будут побуждать читать стихи, сегодня и завтра. Я не так уверен, что человек восторжествует, как однажды сказал мой великий американский соотечественник, стоя, как я полагаю, в этом самом зале; но я совершенно убежден, что над человеком, читающим стихи, труднее восторжествовать, чем над тем, кто их не читает.

Конечно, это чертовски окольный путь из Санкт-Петербурга в Стокгольм; но для человека моей профессии представление, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками, давно утратило свою привлекательность. Поэтому мне приятно узнать, что в географии тоже есть своя справедливость.

Спасибо.

1987

(«Общая газета», № 4, 1996)

«Рыжего друга в дверях увидеть»...

Александр Кушнер об Иосифе Бродском

Александр Кушнер — один из немногих поэтов, которых Бродский неизменно называл в числе любимых, американские книги и вечера Кушнера он предвещал своими теплыми вступительными словами. Ему он посвятил одно из своих самых блистательных посланий — «Четырнадцатое сентября». На следующий день после смерти Бродского Кушнер вылетел в Нью-Йорк. Перед вылетом он дал интервью нашему корреспонденту.

— Александр Семенович, вот странность: Бродский был одним из самых герметичных, «холодных» поэтов, а после его смерти — чувство утраты человека близкого, чувство интимное...

— Так всегда бывает после ухода большого поэта. Я помню уход Пастернака, Ахматовой... Поэта можно не принимать, ему можно сопротивляться, но огромность пустоты, которая остается, заставляет страдать всех. Случай Бродского — особый: пустота так огромна еще и потому, что он занимал важнейшую, необходимейшую во всякое время нишу Романтического Поэта, абсолютно последовательного в своем романтизме. Лермонтовскую нишу, если угодно.

— Он с молодости мечтал об отъезде?

— В нем это сочеталось со страхом отъезда. Но, конечно, он был на это нацелен, потому что создал свой масштаб и всю невозможность реализации здесь. Мог еще в шестидесятые написать фотографию «На добрую память», у меня такая хранится. Я был у него в гостях, когда позвонили и сказали, что выезд разрешен. Помню его растерянность в первый момент. Трагедией была для него разлука с родителями. Я навещал их после его отъезда раза два в год, читал то, что он присылал, передавал приветы и стихи... Страшно мне вспомнить лицо его матери — такая мука всегда была на нем. Я думаю, разлука с семьей — одна из главных причин его болезни.

— Бродский предчувствовал такой конец?

— Это не называется «предчувствовать», он знал и готовился. Наверняка он говорил с Марией (жена Иосифа Бродского. — Д.Б.) о своей смерти. И, вероятно, сам принял решение даже после смерти не возвращаться на родину. Он страшно боялся пошлости, которой был бы окружен его приезд. И, вероятно, не хотел, чтобы этой же пошлостью окружали посмертное возвращение.

Мы увиделись в восемьдесят седьмом, сразу после Нобелевской премии. И я сказал ему: видишь, Иосиф, как правильно распорядилась судьба! И тут он сказал: «Не уверен». Меня это поразило. Я только потом понял, почему моя судьба казалась ему более счастливой, чем его собственная. Казалось бы, я жил здесь переводами,

первые десять лет вообще преподавал в школе рабочей молодежи, стихи проходили с трудом, кто в мире меня знает? — а он, нобелиат, находит эту участь более счастливой... В каком-то смысле так оно и было. Даже живя довольно уединенно, я мог снять трубку, кому-то позвонить, услышать милый голос... У меня была и есть среда. Меру его тамошнего одиночества мы вряд ли могли представить.

Я не чувствую в себе того романтического холода, если угодно, романтического цинизма, который так блистателен в его стихах. И поэтов он любил других: он — Пастернака и особенно Цветаеву, я — акмеистов и особенно Мандельштама. Сходились мы на Баратынском. Помню себя двадцатисемилетнего и его двадцатитрехлетнего — мы читали наизусть Баратынского, кто кого перечитает. А из русской прозы он всем предпочитал Достоевского и Платонова.

— Как по-вашему, у него может быть школа, направление?

— Нет, у таких поэтов бывают только эпитеты. Слишком яркая индивидуальность. Бродский шел по своему пути, следом вешая запрещающий знак: за ним — нельзя. Его открытия можно использовать, только пропустив через собственный опыт. Цинизм и отчаяние многих молодых, когда все это не оплачено судьбой, выплывает такой уродливой маской...

— Как появилось то знаменитое послание к вам?

— Году в семидесятом я позвал его и Якова Гордина к себе на день рождения. Он бедствовал, что и отражено в послании: «поскольку вместе давно не видим двух рублей». Купить в подарок было нечего, и он решил подарить стихи. Переписал их и украсил разнообразными виньетками, — особенно смешная там Муза, играющая на флейте. Вообще замечательно рисовал. Стихи про то, что, будь он царем, непременно подарил бы мне деревенку. Подарок в его духе и в моем вкусе.

— Он знал, что «рыжий друг» в вашем «Кольце» — про него?

— Да, он знал эти стихи. Это середина семидесятых, «Кольцо» напечатано, но посвящение, конечно, никогда не прошло бы. Приходилось догадываться. Стихи о том, как на пальце случайного посетителя кафе я вижу перстень и воображаю, что он волшебный. И думаю, каких три желания загадать: первый поворот — море, второй — Европа... «А как в третий бы раз, не спеша, повернуть этот перстень... но страшно сказать что-нибудь. Все не то или кажется мало. То ли рыжего друга в дверях увидеть, то ли этого типа отсюда убрать, то ли юность вернуть для начала». Бог с ними, со всеми типами, и я уже не знаю сейчас, хочу ли вернуть юность... Но что рыжего друга никогда больше в дверях не увидать...

Дмитрий БЫКОВ.